

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О

ЖИЗНИ СВЯТЫХЪ

ПОДВИЗАВШИХСЯ

ВЪ

ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХІИ

ПРОСЛАВЛЯЕМЫХЪ ВСЕЮ ЦЕРКОВІЮ И МѢСТНО ЧТИМЫХЪ.

Мнѣ же зело честни быша друзи
твои, боже, зело утвердишася на земли
свѣтъ ихъ: исчутъ ихъ, и ниче поскнхъ
не помятсѣ.

ВѢД. РѢН, ЗІ И НІ.

ВОЛОГДА.

Печатано въ типографіи В. А. Гудкова-Бѣлякова.

1880.

ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛІЙ

КОМЕЛЬСКІЙ.

Среди многочисленнаго сонма святыхъ подвижниковъ Вологодской страны, пр. Корнилій Комельскій занимаетъ одно изъ первыхъ и самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ по строгости жизни, по трудности и высотѣ своихъ подвиговъ, такъ и по тому огромному вліянію, которое онъ имѣлъ на современниковъ, особенно на иноковъ: онъ воспиталъ множество святыхъ учениковъ, бывшихъ впослѣдствіи основателями монастырей и распространившихъ въ нихъ его уставъ—единственный письменный памятникъ, дошедшій до насъ изъ трудовъ Вологодскихъ чудотворцевъ. Разбойническій притонъ въ Комельскомъ лѣсу, обращенный Корнилиемъ въ иноческую обитель, долго служилъ колыбелью и разсадникомъ иночества и много способствовалъ утвержденію вѣры и гражданственности въ окрестности.

Житіе пр. Корнилія написано вскорѣ послѣ его кончины однимъ изъ его постриженниковъ, хорошо знавшимъ великаго старца и бывшимъ очевиднымъ свидѣтелемъ многихъ его подвиговъ. Впрочемъ, не смотря на это, оно не отличается обиліемъ фактовъ продолжительной и чудной жизни подвижника и весьма кратко упоминаетъ о томъ, что было до его постриженія

Пр. Корнилій происходилъ изъ знатнаго рода Крюковыхъ. Во время княженія Василя Васильевича Темнаго родъ Крюковыхъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Ростовѣ по своему богатству и знатности, такъ что извѣстенъ и близокъ былъ къ самому великому князю, а одинъ изъ Крюковыхъ по имени Лукіанъ служилъ при дворѣ, исправляя должность дьяка при великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, за которою послѣдовалъ изъ Ярославля въ Москву, когда великій князь, побѣдивши Шемяку, снова утвердился въ Москвѣ. У Лукіана оставался въ Ростовѣ братъ Ѳеодоръ съ супругою Барварою и съ малолѣтними дѣтьми, но такъ какъ родной ихъ городъ еще со времепъ Донскаго началъ приходить въ упадокъ, а Москва, несмотря на всѣ тревоги княженія Темнаго, все болѣе и болѣе усиливалась и для дворянъ и богатыхъ людей жизнь въ ней становилась привольнѣе и безопаснѣе, то Лукіанъ не только вызвалъ къ себѣ брата, но по ходатайству дяди четвертый сынъ Ѳеодора Корнилій взятъ былъ ко двору и зачисленъ въ службу при великой княгинѣ. Оставался ли самъ Ѳеодоръ въ Москвѣ до своей кончины или возвратился въ Ростовъ—неизвѣстно; извѣстно только, что младшій (пятый) сынъ его Акинѣй впослѣдствіи жилъ въ Ростовѣ, въ дому отчемъ, а Корнилій воспитывался подъ руководствомъ дяди своего въ Москвѣ. Для воспитанія отрока нельзя было найти лучшаго мѣста, какъ тогдашній великокняжескій дворъ, не уступавшій въ самомъ строгомъ исполненіи всѣхъ правилъ церковнаго устава ни одной иноческой обители. Здѣсь Корнилій могъ видѣть и изучать одно только доброе. Современный писатель его жизни называетъ великую княгиню Марію, скончавшуюся инокинею-именитою благочестіемъ и милостію паче всѣхъ прежде бывшихъ; дѣйствительно, испытанная несчастіями и всецѣло преданная воспитанію дѣтей своихъ—сверстниковъ Корнилія, она могла служить для юнаго царедворца самымъ лучшимъ живымъ примѣромъ для подражанія. Мо-

людой человекъ какъ нельзя болѣе воспользовался счастливо сложившимися обстоятельствами своей юности: приобрѣлъ познанія въ наукахъ, получивъ самое лучшее по тогдашнему времени образованіе, а вмѣстѣ съ этимъ сохранилъ чистоту сердца и неповрежденность нравовъ, такъ что недостижни еще совершенныхъ лѣтъ онъ казался уже мужемъ совершеннымъ. Съ ранняго возраста начало въ немъ развиваться влеченіе къ жизни созерцательной, отшельнической, которое подъ вліяніемъ бесѣдъ дяди и великой княгини, стремившихся къ иночеству, усилилось въ немъ еще болѣе и дошло до того, что когда престарѣлый Лукіанъ оставилъ придворную службу и постригся въ Кирилловъ, за нимъ послѣдовалъ туда же и двадцатилѣтній Корнилій, ¹⁾ хотя служба при дворѣ великаго князя могла доставить ему честь, богатство и другія житейскія выгоды.

Принявши иночество, Корнилій отказался отъ своей воли и всецѣло предалъ себя руководству своего наставника

1) Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ, а отсюда и въ печатныхъ книгахъ, напр. въ Житіяхъ святыхъ Муравьева, въ русскихъ святыхъ Филарета, въ рассказахъ изъ исторіи русской церкви графа Толстаго и въ описаніи Корниліева монастыря (1831 года) говорится, будто-бы пр. Корнилій принялъ монашество 12 лѣтъ. Но въ болѣе древнихъ и исправныхъ рукописяхъ и въ исторіи русской іерархіи (часть IV, стр. 652) показывается, что въ это время ему было уже 20 лѣтъ, что по нашему мнѣнію гораздо ближе къ истинѣ, потому что до принятія монашества Корнилій нѣсколько лѣтъ служилъ при дворѣ в. княгини, а по принятіи иночества трудился въ хлѣбѣ—самомъ тяжеломъ послушаніи, требующемъ не малыхъ физическихъ силъ, и трудился такъ, что успѣвалъ сдѣлать за двоихъ. Возможно ли этого требовать отъ 12 лѣтняго отрока? Кромѣ того пр. Корнилій носилъ вериги и ночи проводилъ въ переноскѣ книгъ. Ни дядя Корнилія Лукіанъ; ни игумень монастыря конечно не позволили бы 12 лѣтнему мальчику разстраивать своего здоровья и такъ сказать убивать себя веригами. Къ тому же 12 лѣтніе каллиграфы и нынѣ рѣдки, возможны ли же они были при Темномъ, когда грамотность была рѣдкостью даже и между старцами?

Геннадія ²⁾), старца прозорливаго и посѣдѣвшаго въ духовныхъ подвигахъ, повинаясь ему съ любовію какъ отцу и не дѣлая ничего безъ его воли и благословенія. Молодому царедворцу, воспитанному среди шума столицы, въ богатствѣ и роскоши, столько понравилась суровая жизнь смиреннаго послушника въ тиши монастырской кельи, что онъ захотѣлъ сдѣлать участникомъ ея и младшаго брата своего Акинѳіа. Съ этою цѣлію онъ, послѣ семи лѣтъ, проведенныхъ имъ неизбежно въ обители, просилъ позволенія у своего наставника сходить на родину, чтобы склонить брата къ принятію монашества и привести съ собою въ монастырь. Желаніе Корнилія исполнилось: Акинѳій изъявилъ согласіе и при постриженіи былъ нареченъ Анѳимомъ. Корнилій плакалъ отъ радости, видя любимаго брата своего въ ангельскомъ чинѣ, и самъ предавался еще большимъ подвигамъ. «Кто не знаетъ Кирилловскихъ хлѣбней?» говоритъ его жизнеописатель, желая тѣмъ выразить тяжесть трудовъ, на которые обрекъ себя Корнилій. Точно, въ хлѣбнѣхъ многолюднаго тогда Кириллова монастыря не мало стоило труда и пота каждому исполнить одно только свое дѣло, а Корнилій охотно принималъ на себя трудъ и за другихъ, исполнялъ урочное дѣло слабыхъ и менѣе усердныхъ инокъ и въ то же время носилъ тяжелыя, желѣзныя вериги. Проводя дни въ хлѣбнѣхъ въ тяжкихъ трудахъ, онъ и ночью предавался покою, занимаясь списываніемъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя хранятся въ Кирилловомъ монастырѣ и донынѣ, или стоя на молитвѣ совершалъ свое правило и клалъ многочисленные земные поклоны. Таковъ былъ сей великій труженикъ, такимъ и остался до конечнаго—уже въ глубокой старости—изнеможенія своихъ силъ!

Въ то время въ Кирилловомъ монастырѣ довольно часто перемѣнялись настоятели, такъ что со времени игумена Ген-

2.) Геннадій былъ игуменомъ Кириллова монастыря въ 1482 году, но тотъ ли, которому былъ порученъ Корнилій—неизвѣстно.

надія, при котромъ постригся Корнилій, въ теченіи только ста лѣтъ ихъ было до 16-ти, что конечно не могло много способствовать строгому исполненію устава пр. Кирилла и нравственному усовершенствованію братіи. Кромѣ того многочисленныя толпы мірскихъ людей обоого пола постоянно наполняли монастырь и искали въ немъ не столько наставленій и пищи духовной, сколько дароваго хлѣба и пристанища, наконецъ многолюдство самой братіи и монастырскихъ служителей—не могло не тяготить людей, всецѣло преданныхъ богомыслию и стремившихся къ безмолвію. Вслѣдствіе этого Корнилій, прошедши уже всѣ болѣе тяжелыя послушанія и ревнуя о высшемъ совершенствѣ, вышелъ изъ монастыря, чтобы въ другихъ обителяхъ ³⁾ видѣть труды и подвиги мужей, опытныхъ въ духовной жизни, и пользоваться ихъ наставленіями; подобно птицѣ онъ искалъ себѣ гнѣзда и какъ пчела извлекаетъ медъ съ различныхъ цвѣтовъ, такъ и онъ вездѣ старался приобрѣтать себѣ духовную пользу изъ всего, что видѣлъ и слышалъ. Побывавъ во всѣхъ, ближайшихъ къ Кириллову монастыряхъ и пустыняхъ, пр. Корнилій направился къ Новгороду, славившемуся тогда множествомъ иноческихъ обителей; онъ былъ радушно принятъ и обласканъ архіепископомъ Геннадіемъ, въ домѣ котораго и остановился. Ревнитель просвѣщенія, такъ горячо жаловавшийся на безграмотность ставленниковъ и невѣжество духовенства, радъ былъ встрѣтить въ странникѣ рѣдкое по тогдашнему времени книжное образованіе; короче познакомившись съ пр. Корниліемъ, онъ отъ души полюбилъ богобоязненнаго и опытнаго въ духовной жизни инока, часто и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и, чтобы навсегда удержать его при себѣ, хотѣлъ рукоположить его въ санъ священства; но смиренный Корнилій уклонился отъ такой почести, считая

3.) У монашествующихъ того времени было обыкновеніе странствовать по монастырямъ и пустынямъ, славившимся строгостію правилъ и святостію жизни подвизавшихся въ нихъ старцевъ.

себя недостойнымъ ся, изъ опасенія же быть вынужденнымъ къ принятію священнаго сана, оставилъ архіерейскій домъ и удалился въ пустыню недалеко отъ города. Удивился владыка смиренію преподобнаго и не докучая ему болѣе принятіемъ сана, посылалъ ему все необходимое для жизни, часто призывалъ къ себѣ для духовныхъ совѣтовъ и однажды самъ пришелъ посѣтить его въ пустынь. Тяжела показалась отшельнику такая честь: «кто я недостойный, чтобы ты владыко принялъ на себя такой трудъ и пришелъ ко мнѣ въ келью,» говорилъ онъ Геннадію. Въ самомъ дѣлѣ когда посѣщеніе архіепископа обратило на старца вниманіе народа и указало дорогу къ его пустынной кельѣ, когда отовсюду во множествѣ стали приходить къ нему посѣтителі для духовныхъ совѣтовъ и наставленій, любитель безмолвія ужаснулся и бѣжалъ въ тверскіе предѣлы, надѣясь тамъ найти себѣ такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ невѣдомо для людей посвятить себя на служеніе Богу. Въ 12 верстахъ отъ Твери въ дремучихъ лѣсахъ, которые еще недавно были не вездѣ проходимы на лѣвомъ берегу рѣки Орши, впадающей въ Волгу, находилась Савватіева пустыня (нынѣ село Савватіево), стоявшая на зимней кашинской дорогѣ въ Тверь. Близъ этой пустыни пр. Корнилій обрѣлъ мѣсто, удобное для безмолвнаго пребыванія ⁴⁾, но не долго пробылъ на немъ, потому что и здѣсь онъ не нашелъ вожделѣнной тишины и безмолвія. Братія Савватіевой пустыни и приходившіе въ нее странники и богомольцы стали посѣщать уединенную келью

5.) Мѣсто это и нынѣ рѣзко обозначается нѣсколькими огромными соснами, растущими между мелкимъ лѣсомъ и осыпавшимися небольшой курганъ или холмъ, внутри котораго находится три или четыре весьма тѣсныя кельи, поддерживаемыя въ первобытномъ ихъ состояніи отъ Савватіевской церкви. Курганъ обведенъ рвомъ и при немъ находится колодезь. Сюда ежегодно 27 Сентября изъ Савватіевской церкви бываетъ крестный ходъ и надъ колодеземъ при многочисленномъ стеченіи народа совершается водосвятіе. Курганъ находится отъ села и—кашинской дороги саженьхъ въ 200.

Корнилія, прося его совѣтовъ и наставленій, вслѣдствіе чего преподобный снова рѣшился бѣжать и искать себѣ другаго мѣста. Такое странствованіе, переходеніе съ мѣста на мѣсто не было однако же празднымъ: онъ собиралъ опыты духовной жизни, терпѣлъ для Господа голодь и жажду, зной и холодъ, хотя по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся людей и бѣгалъ славы человѣческой, возрастало къ нему уваженіе людей и слава всюду слѣдовала за нимъ какъ тѣнь. Оставивши уединенную келью близъ Савватіевой пустыни, пр. Корнилій жилъ въ лѣсахъ и безлюдныхъ пустыняхъ, вынужденный переходить съ одного мѣста на другое то по той, то по другой причинѣ. Переходя изъ лѣса въ лѣсъ, изъ дебри въ дебри и ища глубочайшаго уединенія, онъ пришелъ наконецъ въ вологодскіе предѣлы и остановился въ комельскомъ лѣсу на высокомъ берегу рѣки Нурмы; тамъ, гдѣ съ правой стороны впадаетъ въ нее рѣчка Талица, онъ нашелъ на возвышенной покатости въ густомъ лѣсу малую хижину, построенную разбойниками, и помолившись Богу, поселился въ ней. Хотя преподобный видѣлъ, что онъ зашелъ въ опасное мѣсто и догадывался о нравахъ и занятіяхъ обитателей хижины, но падѣясь на помощь Божию, рѣшился не оставлять ее. «Не убоюся, что сотворить мнѣ челоуѣкъ?» говорилъ онъ самъ съ собою, повторяя слова Псалмопѣвца, и началъ рубить лѣсъ и очищать мѣсто около хижины, трудясь съ утра до вечера, а ночи проводя въ плачмопѣннн и молитвѣ. Это было уже при державѣ великаго князя Іоанна III въ 7005 (1497) году. Изумились разбойники, когда нашли, что ихъ притонъ занятъ старцемъ, а лѣсъ около него вырубленъ; чтобы заставить Корнилія удалиться, они стали всячески его притѣснять и угрожать ему смертію. «Уйди отъ насъ, говорили они, если не хочешь быть убитымъ,» но преподобный, противопоставляя ихъ злобѣ и дерзости—кротость и терпѣніе, пребывалъ непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи. Вскорѣ атаманъ разбойниковъ былъ убитъ и шайка его раз-

сѣялась, оставивъ старца спокойно владѣть хижинною. Но едва онъ успѣлъ освободиться отъ одной опасности, какъ настала другая. Разъ, когда онъ молился и пѣлъ псалмы въ хижинѣ, на него напала новая толпа разбойниковъ, надѣясь найти у него имѣнье и деньги. Грабители были столь злы и завидливы, что, когда ничего не могли найти въ хижинѣ старца, унесли у него книги, по которымъ онъ молился, хотя для разбойниковъ онѣ были совершенно не-нужны. Блуждая съ ними всю ночь по лѣсу и думая, что уже далеко ушли отъ кельи старца, разбойники утомленные легли спать, но вставши по утру къ изумленію своему увидѣли, что они всю ночь трудились напрасно и снова находятся близъ хижины старца. Это такъ ихъ поразило, что они сознали свой грѣхъ, возвратили старцу книги и испросивъ у него прощеніе въ нанесенномъ ему оскорбленіи, мирно удалились, обѣщаясь исправиться.

По удаленіи разбойниковъ пр. Корнилій нѣсколько времени прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ и безмолвіи, пребывая въ трудѣ и молитвѣ, рубилъ ли преподобный лѣсъ, копалъ ли землю или дѣлалъ что другое, молитва не сходила съ его устъ. Мало по малу одинъ за другимъ стали приходить къ нему люди, желавшіе раздѣлять съ нимъ пустынные труды; старецъ принималъ ихъ и съ этого времени еще болѣе сталъ трудиться, чтобы шире разчистить мѣсто и завести пашню для пропитанія своего и жившихъ съ нимъ. Онъ хотѣлъ питаться трудами рукъ своихъ и за грѣхъ считалъ ходить въ міръ и собирать подаянія. Пустынники молились сперва каждый въ своей кельѣ, такъ какъ опредѣленнаго мѣста для общей молитвы еще не было, но когда число ихъ умножилось, они стали просить Корнилія устроить церковь, считая великимъ ущербомъ и вредомъ для души лишеніе Божественной службы. Корнилій, услышавъ о благочестивомъ желаніи своихъ сподвижниковъ, былъ весьма радъ и со слезами благодарилъ Бога, потому что и

самъ сердечно желалъ того же, и только любовь къ безмолвію заставляла его проживать безъ храма въ пустынныхъ мѣстахъ. Теперь же онъ ясно видѣлъ, что пора уединенія и безмолвія для него уже прошла, что настало время жить не для себя только, но потрудиться и для пользы братіи и страшный разбойническій притонъ обратить въ святую обитель для иночествующихъ. Онъ одобрилъ желаніе братіи и первый устремился на дѣло, началъ рубить лѣсъ для построенія церкви, а такъ какъ церковь требовалась для нихъ небольшая и пустынники немного заботились о ея красотѣ и великолѣпнѣ, то общими силами она вскорѣ и была построена. Въ 1501 году, на четвертый годъ по прибытіи пр. Корнилія на это мѣсто, церковь освятили въ честь Введенія во храмъ Богоматери и самъ старецъ Корнилій былъ рукоположенъ митрополитомъ Симономъ (1 Февраля) во священника и опредѣленъ настоятелемъ возникающей обители къ великой радости всего пустыннаго братства. Рѣшась жить въ обществѣ братіи, блаженный Корнилій не щадилъ себя для ихъ пользы, на ряду съ другими трудился въ лѣсу и въ обители и вообще для устройства обители онъ перенесъ столько трудовъ и усилій, что невозможно и выразить всего того, что ему привелось претерпѣть. Одинъ разъ разбойники, досадуя на него, какъ на помѣху ихъ ремеслу, избили его такъ, что онъ прибрелъ въ свою келью едва дыша; въ другой разъ когда шелъ по лѣсу — на него обрушилось дерево, мимо котораго онъ шелъ, несмотря на то, что вѣтру не было и что мимо того же дерева благополучно прошли передъ нимъ братія; ударъ былъ такъ тяжелъ, что его замертво унесли въ келью и преподобный цѣлые три мѣсяца не вставалъ съ постели и братія уже отчаялись въ его выздоровленіи. Немного поправившись онъ вышелъ однажды посмотреть на плотничную работу, сѣлъ на краю сруба и упавши съ него, разбился пуще прежняго и едва не лишился жизни. Потомъ еще разъ въ лѣсу свалилось на него дерево и его привели въ келью

съ разбитою головою—и все это онъ терпѣливо переносилъ, не позволяя себѣ ни жалобы, ни ропота. Не мало пришлось ему перенести непріятностей и огорченій и за самое мѣсто, гдѣ основалась его пустынная обитель. На него жаловались даже великому князю между прочимъ за то, будто онъ отнимаетъ чужую собственность, тогда какъ онъ заселялъ непроходимый лѣсъ, никому не принадлежавшій и служившій до него только притономъ разбойниковъ. Всѣмъ такимъ напастямъ блаженный старецъ противопоставлялъ одно оружіе—терпѣніе. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ злые люди старались чернить Корнилія, люди добрые, короче знавшіе старца, удивлялись его кротости и терпѣнію и смотрѣли на него, какъ на истиннаго раба Божія, какъ на одного изъ древнихъ великихъ отцевъ, слава о немъ возрастала и распространялась все болѣе и болѣе, такъ что самъ великій князь Василій Ивановичъ, наслушавшись о трудахъ комельскаго подвижника, сталъ питать къ нему глубокое уваженіе.

Пустынная обитель Корниліева была не богата, не имѣла ни селъ, ни угодій, ни другихъ какихъ-либо удобствъ и выгодъ, но своимъ постройкамъ она далеко уступала другимъ монастырямъ, иноки собственнымъ трудомъ должны были снискивать себѣ пропитаніе,—рубить лѣсъ и заводить пашню. Не смотря на все это—отовсюду стремились сюда люди, искавшіе иноческой жизни, число братіи увеличивалось съ каждымъ годомъ, такъ что церковь, первоначально построенная Корниліемъ, уже не могла вмѣщать всѣхъ и необходимо было озаботиться построеніемъ болѣе обширной и помѣстительной. Такъ какъ у Корнилія не было ни денегъ, ни другихъ какихъ либо средствъ—нанять мастеровъ для строенія, то онъ, собравши всю братію на совѣтъ, предложилъ имъ самимъ потрудиться въ созданіи храма, на что тѣ съ радостію и согласились. Взялись работать кто что умѣлъ: одни рубили стѣны и плотничали, другіе рѣзали иконостасъ и писали иконы, нѣкоторые писали книги, а самъ бла-

женный старецъ, поощряя братію къ трудамъ, постоянно со слезами молился Богу объ успѣшномъ окончаніи начатаго дѣла и по его молитвамъ, при единодушномъ стараніи всей братіи, церковь вскорѣ была построена. Новая церковь, по благословенію митрополита Варлаама, освящена была какъ и прежняя въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Освященіе произошло въ 7023 (1515) году, въ 19 лѣто по прибытіи пр. Корнилія на берегъ Нурмы. По освященіи новой церкви пр. Корнилій назначилъ чреды служенія въ ней священникамъ, діаконамъ, чтецамъ и пѣвцамъ, опредѣлилъ ектесіарха и ввелъ весь порядокъ и чинъ священнослуженія, какой обыкновенно держится въ благоустроенныхъ и многолюдныхъ общежительныхъ монастыряхъ. Потомъ при братской трапезѣ онъ построилъ еще храмъ во имя начальника пустынной жизни пр. Антонія великаго, чтобы братія, молясь во храмѣ, посвященномъ его имени, чаще приводили себѣ на память этотъ первообразъ ипчества и легче могли усвоить себѣ духъ истиннаго пустынножительства. Кельи для братіи были построены съ четырехъ сторонъ одна возлѣ другой, такъ что замѣняли собою ограду и давали монастырю видъ четверугольника, въ срединѣ котораго находились церкви. Какъ заботливый хозяинъ построивъ въ монастырѣ больницу, поварню, пекарню и прочія необходимыя для братіи службы, блаженный старецъ не забылъ нищихъ и странныхъ, а какъ сердобольный отецъ выстроилъ для нихъ внѣ монастыря богадѣльню и странно-пріимницу. Веденіе хозяйства онъ поручилъ келарю и далъ ему въ помощь нарядчиковъ, требуя отъ нихъ, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло и во всемъ соблюдался строгій порядокъ, а для этого кромѣ устныхъ наставленій, всѣмъ членамъ духовнаго братства далъ еще и письменный уставъ и самъ строго слѣдилъ за его исполненіемъ. «Самъ же старецъ вельми подвижашеся «день и ночь и во вся службы призиране и всѣхъ обхож-

«даше видѣти труждающихся и въ монастырѣ и на нивахъ «и всѣхъ посѣщаше и утѣшеніе подаваше противу труду „коегождо ихъ», говоритъ о немъ очевидецъ, писатель его житія. Зная по собственному опыту, сколь необходимо и полезно иноку уединеніе и безмолвіе и какъ много вредить душѣ певоздержаніе языка, пр. Корнилій училъ братію и среди многочуднаго общежитія вести жизнь молчаливую и удерживаться отъ бесполезныхъ разговоровъ другъ съ другомъ. Попечительный отецъ и бдительный стражъ братіи. преподобный имѣлъ обыкновеніе обходить позднимъ вечеромъ братскія кельи и слушать, кто чѣмъ занимается. Если примѣчалъ, что кто-нибудь упражняется въ молитвѣ и псалмопѣніи, или въ иномъ полезномъ дѣлѣ, то радуясь и благодаря Бога тихо отходилъ прочь; если же слышалъ гдѣ бесполезные разговоры или смѣхъ, то слегка ударивъ пальцами въ оконпицу, давалъ знать о своемъ приходѣ и тѣмъ останавливалъ и приводилъ въ стыдъ празднословящихъ. Послѣ въ общихъ собраніяхъ, преподавая наставленіе братіи, преподобный упоминалъ объ этихъ случаяхъ и не указывая на лица, говорилъ противъ грѣха и дѣлалъ вразумленія, если же въ комъ встрѣчалъ упорство и неповиновеніе, то виновнаго подвергалъ епитиміи. Чтобы утвердить братію въ строгомъ исполненіи даннаго имъ устава, главное правило котораго состояло въ томъ, чтобы ничего не начинать безъ благословенія настоятеля, онъ далъ братіи самый разительный урскъ. Однажды старшій надъ пекарями испекъ хлѣбы, не принявъ на то, какъ требовалось по уставу, благословенія старца. Узнавши о томъ, пр. Корнилій приказалъ всѣ испеченные хлѣбы скласть въ сани, вывезти на большую дорогу и бросить, чтобы, какъ онъ говорилъ, и собаки монастырскія не ѣли этого неблагословеннаго хлѣба, а хлѣбовъ было испечено цѣлыхъ два воза.

Преподобный жилъ уюваніемъ на Господа и Господь охранялъ его своею защитою, не попуская злымъ людямъ

наносить ему вреда. Вскорѣ по прибытіи своемъ на Нурму, за версту отъ того мѣста, гдѣ жилъ самъ, прендобный выкопалъ на большой Московской дорогѣ колодезь и поставилъ при немъ крестъ съ тѣмъ, чтобы проходящіе могли утолять свою жажду и оставлять тутъ свою милостыню, незаходя къ нему въ пустыню, ибо не хотѣлъ, чтобы мірскіе люди тревожились для обители и своимъ посѣщеніемъ нарушали безмолвіе иноковъ. Впослѣдствіи тутъ была поставлена небольшая часовня и одному изъ братіи, по имени Ананіи, было поручено принимать подаванія и приносить въ монастырь. По молитвѣ святаго старца подаванія были щедрыя, но Ананія прельстился ими и сталъ употреблять ихъ въ свою пользу, въ чемъ и былъ чудеснымъ образомъ обличенъ. Въ обители было обыкновеніе предъ принятіемъ антидора подходить братіи къ иконѣ Богоматери и положивъ поклонъ цѣловать ее; когда Ананія подошелъ къ иконѣ и хотѣлъ приложиться, икона поднялась вверху, онъ покушался приложиться къ ней въ другой и третій разъ, но икона (опускавшаяся когда прикладывались къ ней другіе) всякій разъ поднималась на воздухъ, лишь только подходилъ къ ней Ананія, такъ что онъ нехотя вынужденъ былъ исповѣдать свой грѣхъ.

Хотя блаженный старецъ, какъ сердобольный отецъ, со всѣми былъ кротокъ и милостивъ, всѣхъ принималъ съ искреннимъ радушіемъ и любовію и старался утѣшить и успокоить каждаго, — нашлись однако въ средѣ многолюднаго его братства двое такихъ недоброжелателей, которые рѣшились даже убить его. Будучи нарядчиками рабочихъ и зная, что преподобный и самъ пойдетъ въ поле, они, чтобы исполнить свой злой умыселъ, засѣли подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму и ожидали прихода старца. По обыкновенію своему рано утромъ старецъ вышелъ одинъ, поспѣшая до обѣдни сходить въ поле, проходя по мосту, онъ тихо сотворилъ молитву и спокойно продолжалъ свой путь, неподо-

зрѣвая о зломъ умыслѣ нарядчиковъ. Между тѣмъ нарядчикамъ, сидѣвшимъ подъ мостомъ, показалось, что множество людей провожаетъ игумена, почему они и несмѣли показаться изъ-подъ моста, отложивъ свое намѣреніе до другого времени. Но когда то же самое повторилось въ другой и въ третій разъ, то подрядчики зная, что провожать Корнилія было не кому и видя его у рабочихъ въ полѣ одного, объаты были ужасомъ и со слезами раскаянія пали къ ногамъ игумена, испрашивая прощенія въ страшномъ своемъ грѣхѣ. Незлобивый старецъ великодушно простилъ имъ все и ни въ чемъ не отличилъ ихъ отъ прочей братіи. Такъ самъ Господь хранилъ своего угодника и достояніе его обители.

Преподобный Корнилій всегда былъ сострадатеель и милостивъ къ нищимъ, но особенно любилъ раздавать имъ милостыню въ храмовые праздники обители: въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и преподобнаго Антонія великаго, одѣлая въ эти дни каждаго нищаго хлѣбомъ, просфорою и деньгою. Случилось однажды, что въ навечеріе праздника Антонія великаго собралось въ монастырь множество нищихъ, знавшихъ обыкновеніе старца, а подавать было вечего. Блаженный припалъ съ молитвою къ Богу, прося ходатайства Божіей Матери и пр. Антонія, и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня пришелъ посланный отъ великаго князя Василія Ивановича и принесъ отъ него преподобному 21 рубль. Возблагодаривъ Бога, что Онъ не презрѣлъ его молитвы, блаженный старецъ съ особенною любовію раздалъ нищимъ щедрую милостыню, ради ихъ ему посланную. Въ другой разъ въ тотъ же праздникъ пр. Антонія, когда Корнилій по своему обыкновенію одѣлялъ каждаго нищаго хлѣбомъ, калачемъ, просфорою и деньгами, многіе подходили для пріянія милостыни по два, по три и даже до пяти разъ, тогда приставники, замѣтивши злоупотребленіе и безстыдство нищихъ, донесли о томъ старцу,

но онъ отвѣчалъ имъ: «не трогайте ихъ, они затѣмъ пришли» и велѣлъ подавать безъ разбора каждому просящему и за этотъ подвигъ милосердія и любви въ тотъ же день утѣшенъ былъ чудеснымъ видѣніемъ. Вечеромъ, послѣ соборной молитвы и обычнаго правила, когда преподобный присѣлъ отдохнуть въ своей кельѣ и задремалъ, ему явился въ тонкомъ снѣ великій отшельникъ египетскій въ томъ видѣ, какъ изображенъ былъ въ церкви на иконѣ, взялъ его за руку и велѣлъ слѣдовать за собою. Онъ вывелъ Корнилія на широкое мѣсто, на которомъ лежали груды на одной сторонѣ просфоры, а на другой калачи и сказалъ ему: «вотъ твое подаваніе нищимъ, собери его къ себѣ въ полы одежды»,—Корнилій набралъ столько, что милостыни стали сыпаться вонъ изъ полы. Пробудившись пр. Корнилій подивился видѣнію, со слезами радости рассказалъ о немъ братіи и заповѣдалъ не только при себѣ, но и по кончинѣ своей щедро подавать милостыню нищимъ. Такъ блаженный нищелюбецъ хотѣлъ благотворить и по смерти!

Въ самомъ блистательномъ видѣ милосердіе и вѣра пр. Корнилія открылись во время голода, постигшаго Вологодскую страну, когда четверть ржи продавалась по рублю и болѣе, да и за эту цѣну трудно было достать хлѣба. Голодъ усилился до того, что родители бросали своихъ дѣтей предъ воротами монастыря и множество народа со всѣхъ сторонъ устремилось къ преподобному, прося хлѣба. Блаженный старецъ устроилъ для дѣтей богадѣльню на монастырскомъ дворѣ и велѣлъ ихъ пропитывать, а голоднымъ отворилъ монастырскія житницы и ежедневно выдавалъ хлѣбъ всѣмъ нуждающимся ¹⁾ и не смотря на это, по молитвамъ преподобнаго обитель не только не оскудѣвала, но еще болѣе стала во всемъ изобиловать къ величайшему

1) Кромѣ того онъ часто подавалъ милостыню тайно отъ братіи, чтобы не огорчить ихъ своею чрезмѣрною щедростію.

удивленію братіи, опасавшейся отъ чрезмѣрной щедрости Корнилій голода для самихъ себя.

Не за одною только тѣлесною пищею собирався народъ въ пустынную Комельскую обитель, многіе приходили для того, чтобы получить благословіе духовнаго старца, послушать его наставленій, посовѣтоваться съ нимъ о спасеніи души и получить отъ него разрѣшеніе своихъ недоумѣній. Блаженный Корнилій припималъ каждого съ отеческою любовію и слово его было елеемъ утѣшенія для страждущихъ и удрученныхъ какою-либо скорбію сердець. «Корнилій же, дарованіемъ Божиимъ. приходящимъ къ нему съ вѣрою вси разрѣшаше, вся сказоваше и всѣхъ благословляше и утѣшаше и ни единого скорбна отпущаше.» Прозорливый старецъ проникалъ въ сердце человѣка, открывалъ намѣренія и предсказывалъ будущую его судьбу. Такъ однажды, когда пришли къ нему два юноши, совершенно ему неизвѣстные, онъ спросилъ ихъ: «зачѣмъ вы пришли сюда въ эту бѣдную пустынь?» «Желаемъ, отче, отвѣчали оба, монашескаго житія» и стали просить его о принятіи ихъ въ монастырь, но Корнилій отвѣчалъ: «ты, чадо Григорій, войди въ эту убогую келью, а ты, Θεодоръ, будешь имѣть жену и дѣтей» — сказанное имъ исполнилось: Григорій былъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Геннадія и сдѣлался любимымъ ученикомъ преподобнаго, а Θεодоръ сталъ семьяниномъ.

Какъ мудрый духовный наставникъ и распорядительный хозяинъ пр. Корнилій, примѣняясь къ древнимъ отеческимъ правиламъ, подробно распредѣлялъ всѣ церковныя службы и монастырскія работы, чтобы никто не оставался празднымъ, и впускалъ всѣмъ при всякомъ руководѣніи постоянно имѣть въ устахъ молитву Іисусову. Всѣхъ-и своихъ и приходящихъ онъ училъ жить по правиламъ св. отцевъ, во всемъ покоряться волѣ настоятеля и молитвенно совершать подвигъ послушанія во все теченіе жизни; самъ

преподобный, не смотря на свою старость, усугублялъ труды, бдѣніе и постъ по мѣрѣ того, какъ умножалось число братіи, какъ бы желая восполнить ихъ недостатки своими подвигами. Постоянно стремясь къ горнему наслѣдію, блаженный Корнилій мало заботился о приобрѣтеніи вотчинъ и земныхъ стяжаній, хотя, по расположенію къ нему великаго князя, и могъ бы получить многое, онъ даже продалъ землю, находившуюся въ Пошехонскомъ уѣздѣ (подарокъ князя Семена Андреевича Шилешпанскаго)—чтобы она не могла служить братіи поводомъ къ отлучкамъ изъ монастыря. «Иногъ внѣ ограды монастырской, что рыба безъ воды», говорилъ онъ братіи и какъ самъ постоянно стремился къ уединенію и безмолвію, такъ и братію всегда убѣждалъ къ тому же. Какъ постриженіемъ Кириллова монастыря и современникъ пр. Нила Сорскаго, блаженный Корнилій не чуждъ былъ его духа и во многомъ усвоилъ себѣ его взгляды на монашество. Это сколько радовало однихъ, лучшихъ изъ братіи, столько же не нравилось другимъ. Ибо и въ средѣ Комельскаго братства были люди, которые пришли въ монастырь не столько для поста и молитвы, сколько для довольства и покоя; такимъ инокамъ, при всей своей кротости и снисходительности, пр. Корнилій не могъ не высказывать иногда истины и не дѣлать справедливыхъ замѣчаній и внушеній, они-то и распространяли ропотъ и недовольствіе на блаженнаго Корнилія. Какъ основатель монастыря и игумень, онъ имѣлъ полное право удалить ихъ изъ своей обители, а какъ старецъ уважаемый великимъ княземъ весьма легко могъ сдѣлать это, но незлобивый старецъ, давая мѣсто гнѣву, не хотѣлъ ихъ безпокоить и рѣшился самъ удалиться въ вожденное ему уединеніе. Напрасно лучшіе изъ братіи уговаривали его не оставлять своей обители, старецъ остался не преклоннымъ и сказавъ имъ, что если и разстанется съ ними тѣлесно, душою всегда съ ними будетъ, приказалъ собрать всю братію, избравъ

12 старшихъ учениковъ и заповѣдавъ имъ строго держаться даннаго имъ устава, поручилъ ихъ управленію обитель. Устроивши такимъ образомъ дѣла въ Комельской обители, пр. Корнилій съ однимъ только ученикомъ своимъ Геннадіемъ, вышелъ изъ монастыря и отправился искать себѣ уединеннаго мѣста для подвиговъ. Когда они пришли въ костромскіе лѣса, то старцу понравилось мѣсто на берегу Сурскаго озера близъ рѣки Костромы верстъ за 70 отъ Комельскаго монастыря, они построили здѣсь себѣ келью и стали жить отшельнически въ непрестанныхъ трудахъ, постѣ и молитвѣ. Корнилій, не смотря на свои преклонные лѣта, самъ рубилъ лѣсъ и копалъ землю для посѣва хлѣба.

Узнавши мѣсто его жительства, братія посылали просить преподобнаго, чтобы возвратился въ обитель и продолжалъ руководить ихъ ко спасенію, но блаженный старецъ и первоначально принявшій начальство неохотно, только по усиленной просьбѣ братіи, теперь какъ птица, вырвавшаяся изъ сѣтей, радъ былъ тому, что освободился отъ тяжелой заботы о другихъ, и въ тишинѣ пустынной кельи можетъ посвятить себя заботамъ о собственномъ спасеніи, поэтому, не смотря на просьбы и слезы посланныхъ, не хотѣлъ возвратиться. Вскорѣ по удаленіи пр. Корнилія въ пустыню, великій князь Василій Ивановичъ по пути въ Кирилловъ монастырь на богомолье для испрошенія чадородія, посѣтилъ (зимою 1529 года) Комельскій монастырь и весьма удивился, не найдши въ немъ Корнилія. Государь спросилъ братію, — по какой причинѣ удалился отъ нихъ Корнилій по благословной ли винѣ или вслѣдствіе какого нибудь не устройства и непріятности? Братія отвѣчали, что онъ ушелъ отъ нихъ любви ради Христовой, и со слезами просили великаго князя, чтобы онъ понудилъ старца возвратиться въ свою обитель. Тронутый ихъ просьбами и слезами, государь тогда же послалъ къ Корнилию нарочнаго съ повелѣніемъ,

чтобы онъ возвратился въ свой монастырь и ожидалъ его возвращенія изъ Кириллова. Пр. Корнилій, возвратившись въ обитель, взялъ съ собою трехъ учениковъ и отправился съ ними въ Вологду на встрѣчу великому князю. Василій Ивановичъ радъ былъ свиданію съ великимъ старцемъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ и просилъ его молить Господа и Матерь Божию, дабы даровано было ему чадородіе, и потомъ съ честью отпустилъ его въ монастырь. На обратномъ пути великій князь въ другой разъ посѣтилъ Комельскую обитель и долго убѣждалъ преподобнаго не оставлять своего монастыря. Но пр. Корнилій кротно объяснилъ великому князю, что его дряхлость требуетъ покоя и безмолвія, и просилъ отпустить его въ пустыню. Государь, опасаясь огорчить старца, оставилъ на его волю—оставаться въ монастырѣ или удалиться въ пустыню, а для облегченія его трудовъ въ Сурской пустынѣ, назначилъ ей оброчное содержаніе, въ монастырь же далъ отъ себя вкладу 50 рублей и приказалъ теплую церковь пр. Антонія великаго вмѣстѣ съ трапезою обить досками. По возвращеніи въ Москву великій князь тотчасъ же послалъ въ монастырь на имя Корнилія жалованную грамоту, которою предоставлялось получать отъ вологодскихъ таможенниковъ ежегодно на крещеніе Христова по пяти рублей на рыбу. По отъѣздѣ великаго князя изъ монастыря скоро и старецъ Корнилій снова удалился въ свою пустыню и предался обычнымъ трудамъ и молитвѣ. Однако ни дремучіе лѣса, ни топкія сурскія болота не доставляли ему вождедѣйнаго безмолвія и уединенія. И сюда одинъ за другимъ стали приходить къ нему люди, желавшіе съ нимъ сожителствовать, они построили себѣ кельи близъ жилища старца и стали помогать ему въ пустынныхъ трудахъ. Когда собралось такимъ образомъ до шести иноковъ, пр. Корнилій вознамѣрился и здѣсь построить церковь и съ этою цѣлію отправился съ однимъ ученикомъ въ Москву (въ 1531 г.) просить государя и митрополита о дозволеніи построить храмъ.

Не задолго предъ тѣмъ временемъ у великаго князя родился сынъ Иванъ,—государь, обрадованный рожденіемъ наследника, находился въ то время въ Сергіевомъ монастырѣ, куда отправился для принесенія благодарственной Богу молитвы. Здѣсь Корнилій встрѣтилъ великаго князя, который принялъ его съ великою честію какъ ангела Божія, благодарилъ за принесенное имъ поздравленіе и, намѣреваясь пробыть въ обители еще нѣсколько времени, послалъ старца впередъ себя въ Москву, чтобы онъ благословилъ великую княгиню и новорожденнаго, такъ какъ его молитвамъ приписывалъ исполненіе своего желанія. Возвратясь въ Москву Василий Ивановичъ осыпалъ Корнилія своими щедротами, ежедневно призывалъ къ себѣ на трапезу, сверхъ того посылалъ ему и на домъ все необходимое для пищи—что старецъ тайно раздавалъ нищимъ и маломощнымъ. Но когда Корнилій сталъ просить дозволенія построить въ Сурской пустынѣ церковь, великій князь, вспомнивъ слезное моленіе комельской братіи и данное имъ слово возвратить старца въ обитель—рѣшительно отказалъ Корнилію въ его просьбѣ и объявилъ, что онъ долженъ возвратиться въ свой монастырь и по прежнему управлять братіею. Такое приказаніе великаго князя показалось тяжкимъ для любителя безмолвія; Корнилій вполне надѣялся на благосклонность и согласіе государя, неожиданный отказъ повергъ его въ великую скорбь, такъ что желая избавиться отъ управленія обителью и уклониться отъ житейской молвы—рѣшился скрыться въ самой Москвѣ въ домъ одного христіянина. Великій князь, не видя у себя старца, приказалъ его искать по всему городу, Корнилій узналъ объ этомъ и, чтобы не навлечь непріятности на хозяина дома, въ которомъ жилъ, тайно вышелъ изъ Москвы и удалился въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Здѣсь съ любовію былъ принятъ настоятелемъ и братіею и сталъ жить въ совершенномъ безмолвіи, когда же вѣсть о немъ дошла до великаго князя, онъ приказалъ прекратить поиски и не велѣлъ тре-

вожить старца, однако по случаю праздника Богоявленія прибывъ самъ въ Троицкій монастырь, великій князь опять началъ сильно убѣждать Корнилія непремѣнно возвратиться въ свой монастырь. Старецъ не смѣлъ болѣе противиться волѣ великаго князя и принялъ сильное желаніе и настойчивость государя за указаніе воли Божіей. Великій князь весьма радъ былъ согласію старца и тотчасъ же послалъ въ Комельскій монастырь нарочнаго съ приказаніемъ старцамъ придти и самимъ упросить своего авву, склонившагося на волю великаго князя. Старцы скоро пришли, своими слезами и мольбами тронули Корнилія, который окончательно согласился возвратиться въ свою обитель и вмѣстѣ съ ними предсталъ предъ лице государя, прося себѣ отпущенія. Довольный его согласіемъ великій князь самъ вызвался надѣлать Комельскій монастырь землями и вотчинами. «Слышалъ я, сказалъ онъ Корнилію, что монастырь твой не имѣетъ ни селъ, ни деревень, проси, что тебѣ нужно—дамъ все,—но преподобный отказался и просилъ только чтобы приписали къ монастырю нѣсколько земли съ лѣсомъ, находившейся въ окрестностяхъ монастыря и уже въ потѣ лица воздѣланной руками преподобнаго, просилъ для того, чтобы братія могли спокойно доставать себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ, такъ какъ это былъ единственный источникъ содержанія обители. Подивился государь нестяжательности старца и приказалъ отвести монастырю землю съ починками, лѣсомъ и со всякими угодами, далъ Корнилію все необходимое на дорогу и отпустилъ съ миромъ, прося себѣ его молитвъ и благословенія. Велика была радость въ Комельскомъ монастырѣ при возвращеніи Корнилія. Вся братія вышла изъ монастыря на встрѣчу преподобному и приняла его какъ ангела Божія, каждый искалъ припасть къ ногамъ его или хотя прикоснуться къ его одеждѣ. Радъ былъ и самъ старецъ, видя такое усердіе и единодушіе братіи, онъ всѣхъ обнималъ и цѣловалъ съ отеческою любовію и всѣмъ преподавалъ благословеніе. Достойный

ученикъ его пугмень Кассіанъ, по избранію самого старца управлявшій монастыремъ во время двухлѣтняго его отсутствія, тотчасъ же сложилъ съ себя начальство, желая по прежнему быть въ послушаніи своего учителя. Принявши снова управленіе монастыремъ, пр. Коринлій, не смотря на свои преклонныя лѣта, предался обычнымъ трудамъ, рубилъ лѣсъ и воздѣлывалъ землю для хлѣбопашества. Однажды братія, поваливши лѣсъ, пошли отдохнуть, а старецъ остался собирать хворостъ, чтобы сжечь его и очистить мѣсто, но когда онъ зажегъ хворостъ, пламя и дымъ окружили его со всѣхъ сторонъ и огонь столько усилился, что не было возможности выйти изъ него, тѣмъ болѣе, что этъ дыму невидно было куда надобно бѣжать. Предстояла неминуемая опасность быть сожженнымъ за живо, старецъ, видя это, призвалъ Бога на помощь и въ ту же минуту съ запада подулъ столь сильный вѣтеръ, что дымъ и пламя мгновенно разсѣялись и онъ какъ по улицѣ невредимо вышелъ изъ среды огня. Чудо было столь очевидно, что самъ старецъ почелъ нужнымъ рассказать о немъ братіи и, благодаря Бога за свое избавленіе отъ огня временнаго, напоминалъ братіи объ огнѣ геенскомъ. Такъ при каждомъ удобномъ случаѣ старецъ, какъ мудрый и опытный наставникъ, старался назидать братію, особенно внушая имъ ни въ чемъ не имѣть своей воли, во всемъ хранить смиренномудріе, пребывать въ непрестанныхъ трудахъ и въ совершенномъ отчужденіи отъ всего мірскаго, молитвенно ожидая часа смертнаго. «Ибо, говорилъ онъ, нынѣшнія временныя страданія, лишенія и труды ничего не стоятъ въ сравненіи съ наградами и славою, которыя уготованы намъ въ будущемъ. Никто не долженъ считать за великое и хвалиться тѣмъ, если оставилъ какія либо блага въ мірѣ, богатство, славу, честь и тому подобное. Ибо, еслибы онъ не оставилъ ихъ самъ, такъ они и противъ его воли оставили бы его при смерти.» Побуждая всѣхъ къ трудамъ и подвигамъ, особенно юнымъ совѣтовалъ всячески избѣгать

праздности, обуздывать свои страсти тѣлесными трудами и беречься всего, что можетъ возмущать покой души.

Не позволяя себѣ ни малѣйшаго послабленія противъ прочей братіи, по являясь еще вездѣ первымъ, какъ въ церкви, такъ и въ полѣ, пр. Корнилій не отличался отъ нихъ и въ одеждѣ и часто носилъ еще худшую, именно ту, которая другимъ казалась уже негодною. Такъ когда ннокъ Захей пришелъ къ нему въ мантии, зашитой лыкомъ, и сталъ просить лучшей мантии, пр. Корнилій отдалъ ему свою, а его мантию надѣлъ на себя и долго еще ходилъ въ ней, получая братію стыдиться не одежды худой, а дѣлъ темныхъ.

Достигнувъ глубокой старости, будучи отягченъ недугами и чувствуя приближеніе смерти, пр. Корнилій хотѣлъ остатокъ дней своихъ провести въ затворѣ, такъ какъ ему тяжело уже было управлять умножившеюся братіею и онъ не могъ по прежнему быть вездѣ первымъ и во всемъ подавать примѣръ другимъ, а управлять монастыремъ какъ нибудь и только числиться игуменомъ онъ не хотѣлъ и считалъ за грѣхъ. Поэтому, собравши всю братію и въ продолжительномъ поученіи изобразивъ обязанности иноковъ, онъ велѣлъ имъ строго соблюдать монастырскій уставъ, а самъ удалился въ Кирилловъ монастырь, гдѣ принялъ иноческое постриженіе и затворился въ кельѣ, чтобы въ безмолвіи окончить многотрудный подвигъ иноческаго житія и лучше приготовиться къ смерти. Братія оставленнаго имъ монастыря послали къ нему пять старшихъ и уважаемыхъ старцевъ просить его возвратиться въ обитель, а если не хочетъ управлять ею, то по крайней мѣрѣ для утѣшенія братіи, тяготившейся разлукою съ нимъ, возвратился бы безмолвствовать въ свою обитель,—но старецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Тогда посланные обратились съ просьбою къ игумену и старѣйшей братіи Кириллова монастыря, чтобы они помогли имъ убѣдить преподобнаго. Корнилій послушался совѣтовъ игумена (Доснаея) и Кирилловской братіи и согла-

силъ возвратиться въ Комельскій монастырь, но съ тѣмъ, чтобы братія, прежде его возвращенія, избрала себѣ другаго игумена. Посланные спросили его: кого онъ хочетъ назначить себѣ преемникомъ? Лаврентія, отвѣчалъ старецъ. Послѣ сего посланные поспѣшили возвратиться въ свой монастырь и едва могли всѣмъ братствомъ убѣдить Лаврентія принять игуменство. Согласившись наконецъ на просьбу братіи, Лаврентій самъ отправился въ Кирилловъ умолять старца возвратиться въ свою обитель и не оставлять сирымъ собравшаго имъ стада. Усердіе и любовь учениковъ побѣдили учителя: умилившись слезами и прошеніями братіи, особенно игумена Лаврентія, пр. Корнилій простился съ Кирилловскими старцами, и сопутствуемый своими учениками, направился въ свой монастырь, полагая, что совершаетъ уже послѣднее свое земное странствованіе. Но Богъ судилъ иначе. По прибытіи въ Комельскій монастырь, пр. Корнилій утвердилъ выборъ новаго игумена, сдалъ ему управленіе братіею и потомъ затворился въ кельѣ, не помышляя болѣе ни о чемъ земномъ и ожидая только часа смертнаго, но вскорѣ еще разъ онъ долженъ былъ оставить монастырь и уже не одинъ, а вмѣстѣ со всею братіею.

Въ 1538 году казанскіе татары вторглись въ предѣлы Россіи и достигли окрестностей Вологды, все предавая огню и мечу. Слухъ о приближеніи враговъ встревожилъ учениковъ Корнилія, они поспѣшили увѣдомить его о приближающейся опасности и о томъ, что многіе и мірскіе люди и иноки спасаются отъ татаръ бѣгствомъ, и получили отъ него такой совѣтъ: «сотворимъ человѣческое, бѣжимъ и мы, да «не виѣнитъ насъ въ гордость. Если мы уцѣлѣемъ, остав «шись здѣсь, то не избѣжимъ отъ бѣса тщеславія. Не добро «самимъ вдаваться въ бѣду, Христосъ всемогущій самъ бѣ- «жалъ отъ Ирода въ Египетъ, да научатся и другіе не вда- «ваться въ напасти.» Разсудивъ такимъ образомъ, онъ вмѣ- стѣ съ братіею вышелъ изъ монастыря и уклонился въ бѣ-

лозерскіе предѣлы на Ухтому и тамъ молился Богу о сохраненіи своей обители. Между тѣмъ татары, опустошивъ многія села, деревни и сосѣдшіе—Иппокентіеву пустынь и Павлообнорскій монастырь, устремились, по указанію вожатыхъ, къ Корниліеву монастырю. Но когда они подошли къ нему ближе, то онъ показался имъ большимъ, укрѣпленнымъ городомъ, окруженнымъ множествомъ войска, готоваго къ сраженію. Считая себя обманутыми, татары избили своихъ проводниковъ и сами въ страхѣ бѣжали. Пр. Корнилій, услышавъ объ этомъ, вмѣстѣ съ братією возвратился съ Ухтомы въ свою обитель, радуясь и благодаря Бога за чудесное ея избавленіе,—онъ снова затворился въ кельѣ, день и ночь проводя въ молитвѣ и готовясь къ конечному исходу. Но и въ это время, угнетаемый старостію и недугами и уже отказавшійся отъ всего, онъ, какъ чадолюбивый отецъ, не отказывался благодѣтельствовать и помогать страждущимъ. Еще при жизни онъ обладалъ даромъ исцѣленій и хотя самъ страдалъ отъ недуговъ, но исцѣлялъ болѣзни другихъ, самымъ дѣломъ показывая, что сила Божія въ немощахъ совершается. У инока Іова былъ укушенъ палець, отъ чего вся рука разболѣлась, когда же онъ, во время вечерняго правила, подошелъ къ пр. Корнилію и показалъ ему свою больную руку, то старецъ только взглянулъ на нее и сотворилъ молитву и—болѣзнь тотчасъ же прошла.

Монастырскій служитель Василій былъ посланъ Корниліемъ на какое-то дѣло въ монастырь и тамъ былъ раненъ ножомъ столь сильно, что его еле живаго принесли въ монастырь. Когда сказали о томъ Корнилію, то онъ велѣлъ позвать къ больному духовника, а потомъ и самъ пришелъ посѣтить его; подойдя къ больному, онъ ткнулъ пальцемъ въ его рану, отчего больной вздрогнулъ и вскричалъ, но въ ту же минуту почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Священникъ, причащавшій больного, видя, что онъ уже умираетъ, зашелъ къ нему на другой разъ въ увѣренности, что онъ не доживетъ

и до утра,—каково же было его удивленіе, когда онъ нашелъ его совершенно здоровымъ, какъ будто онъ и раненъ не былъ. На другой день Василій вмѣстѣ съ прочими пошелъ опять на работу.

Въ числѣ ближайшихъ и любимыхъ учениковъ Корнилія былъ юноша Геннадій, съ дѣтскихъ лѣтъ посвятившій себя иноческой жизни и старавшійся во всемъ подражать своему учителю. Когда пр. Корнилій удалился въ Сурскую пустыню, онъ изъ всей братіи только его одного взялъ съ собою, по возвращеніи же въ монастырь сдѣлавшись боленъ, приказалъ ему жить въ своей кельѣ, чтобы пользоваться его услугами. Подобно своему учителю Геннадій тяготился многлюдствомъ общежитія и стремился къ безмолвію, поэтому теперь видя учителя своего день отъ дня изнемогающимъ болѣе и болѣе, и выбравъ время сталъ просить его благословенія по кончинѣ его жить въ безмолвіи въ Сурской пустынѣ. «Не можешь мѣста того стронти, будучи безграмотенъ»—сказалъ ему старецъ; но Геннадій, припавши къ его ногамъ, со слезами продолжалъ просить его; «отче честный, «я не строить желаю, а плакать о грѣхахъ моихъ; благослови меня отче.» Тогда Корнилій видя, что ученикъ его просить съ вѣрою, благословилъ его и сказалъ: «Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ съ тобою и пречистая Богородица да будетъ тебѣ помощница; мѣсто то воздвигнется и ты отъ многихъ познанъ будешь,» что все и исполнилось.

Вся жизнь Корнилія была однимъ непрерывнымъ служеніемъ Богу и ближнимъ, какъ свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, онъ свѣтилъ современникамъ своимъ добродѣтелями. Ему было уже болѣе 80 лѣтъ отъ роду; отъ старости и трудовъ, отъ различныхъ скорбей и лишеній здоровье его разстроилось, силы ослабѣли, жизнь видимо въ немъ догорала, но и теперь онъ не хотѣлъ измѣнять и ослаблять своего правила, а когда ему бывало легче, по прежнему приходилъ въ церковь. Весною (1538 года) ему стало

тяжелѣе и наконецъ горячка совершенно изнурѣла его и уложила въ постель. Чувствуя приближеніе кончины, блаженный старецъ велѣлъ созвать къ себѣ игумена и всю братію, которой было тогда 90 человѣкъ кромѣ послушниковъ, и преподать имъ послѣднее наставленіе, заповѣдуя и послѣ своей смерти строго исполнять данный имъ уставъ, для этого чаще прочитывать его на братской трапезѣ, совершать церковную службу со вниманіемъ и благоговѣніемъ и жить другъ съ другомъ въ мирѣ и согласіи. «Когда будете совершать о мнѣ поминовеніе, присоветуйтесь старецъ, остатки братской трапезы раздавайте нищимъ.» Въ пятницу четвертой недѣли по Пасхѣ блаженный старецъ велѣлъ вести себя въ церковь къ Божественной литургіи, въ послѣдній разъ причастился святыихъ Таинъ и въ субботу совершенно ослабѣлъ и началъ крайне изнемогать. Братія со слезами и плачемъ окружили его одрѣ и видя его предсмертныя страданія, столько скорбѣли и плакали о немъ, что многіе изъ нихъ не хотѣли пережить его и желали умереть вмѣстѣ съ нимъ, чтобы только не разлучаться со своимъ наставникомъ и отцемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя возможности сдерживать своихъ рыданій, сказали ему: «безъ тебя, отче, опустѣетъ и монастырь нашъ, потому что когда тебя не будетъ, многіе изъ насъ оставятъ это святое мѣсто и разойдутся въ разныя стороны.» Тогда старецъ, видимо перемогая себя, уже слабымъ и прерывающимся отъ болѣзни голосомъ, отвѣтилъ имъ: «братія и чада мои! не скорбите о томъ, что уже пришло время почить мнѣ и разлучиться съ вами: не сиротами оставляю васъ, но предаю васъ Богу и Его пречистой Матери. Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ козней лукаваго! Ученикъ мой игуменъ Лаврентій замѣнитъ вамъ меня и восполнитъ недостатки ваши. Почитайте его, какъ меня самого.» Преподобный закончилъ свою бесѣду увѣщаніемъ, чтобы не было между ними никакихъ ссоръ и вражды, но чтобы всѣ жили другъ съ другомъ въ братской любви и согласіи. Тогда всѣ

стали подходить къ нему, со слезами прося послѣдняго его благословенія; умирающій старецъ, какъ чадолюбивый отецъ, съ любовію всѣхъ цѣловалъ и благословлялъ и самъ у каждаго просилъ себѣ прощенія и молитвъ, приказавши въ то же время читать часы, канонъ Иисусу Христу, акаѳистъ Богородицѣ и канонъ великомученицѣ Екатерицѣ. ¹⁾ По прочтеніи каноновъ старецъ самъ поднялся со своего ложа, взялъ кадилъницу и склавъ еймиагомъ св. иконы и предстоявшихъ, снова распростерся на одрѣ и съ молитвою на устахъ тихо предалъ душу Богу, такъ что и предстоящіе не замѣтили его кончины, ибо лице его было свѣтло и весело и казалось, что старецъ не умеръ, а только уснулъ. Блаженная кончина его послѣдовала въ пятую недѣлю по Пасхѣ 19 Мая 7046 (1538) года. ²⁾

Ударили въ колоколъ къ утрени и игумень Лаврентій съ братією съ великою честію на головахъ понесли тѣло отца своего въ церковь, гдѣ немного успокоившись отъ слезъ и рыданій, совершили воскресную службу. Въ тотъ же день вѣсть о кончинѣ пр. Корнилія разнеслась по окрестности; въ понедѣльникъ по утру собрались игумены ближайшихъ монастырей и по совершеніи Божественной литургіи при чрезвычайномъ стеченіи народа, при всеобщемъ плачѣ и рыданіи, многотрудное тѣло преподобнаго было погребено близъ церкви Введенія во храмъ Богородицы,—въ 41 годъ по пришествіи Корнилія на это мѣсто и на 82 году отъ рожденія его.

Великій подвижникъ своимъ примѣромъ и наставленіями воспиталъ много мужей высокой духовной жизни, бывшихъ

1.) Современникъ Корнилія в. князь Василій Пвановичъ при кончинѣ своей также велѣлъ читать канонъ великомученицѣ Екатерицѣ.

2.) Въ ипсьменномъ житіи и въ печатномъ Прологѣ сказано, что пр. Корнилій преставился въ 7045 (1537) году, но 10 Мал приводится на 5-й недѣлѣ по Пасхѣ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ 1538 году.

впослѣдствіи основателями другихъ обителей, такъ его обитель сдѣлалась разсадникомъ иночества. Преподобные Кассіанъ и Лаврентій—игумены Комельскіе, Кириллъ Новоезерскій, Иродіонъ Илоезерскій, Симонъ Сойгинскій, Геннадій Любимскій, Филиппъ Ирапскій, Адріанъ Пошехонскій, Даніилъ Шужгорскій были его постриженными и учениками.

Вскорѣ Богъ прославилъ своего угодника. Многіе изъ его учениковъ и посторонніе люди, знавшіе преподобнаго лично и бывшіе свидѣтелями его подвиговъ и чудесъ, совершенныхъ имъ еще при жизни, начали призывать его и по смерти, посѣщать могилу старца и по вѣрѣ своей получали просимое. Поэтому уже на четвертый годъ по преставленіи старца, какъ въ его монастырѣ, такъ и въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ и во всей вологодской странѣ стали ублажать его, какъ угодника Божія, и совершать память его по особо сочиненной службѣ. Были ли въ это время записываемы въ Корниліевѣ монастырѣ чудеса, совершавшіяся при гробѣ преподобнаго, неизвѣстно, такъ какъ въ 1552 году случился въ монастырѣ пожаръ, во время котораго сгорѣли даже нѣкоторыя жалованныя монастырю грамоты. Въ древнемъ рукописномъ житіи преподобнаго значится только 10 чудесъ и самъ жизнеописатель говоритъ, что онъ написалъ изъ многого малое, только то, что было предъ нимъ незадолго. ¹⁾ Вотъ нѣкоторыя изъ чудесъ преподобнаго.

Комельскій помѣщикъ князь Семенъ Ивановичъ Гагаринъ, сдѣлавшись нездоровъ, приказалъ везти себя въ монастырь пр. Корнилія, приложился съ молитвою ко гробу его и тотчасъ получилъ исцѣленіе. Въ благодарность за это князь возложилъ на гробницу пр. Корнилія бамчатный покровъ и

1.) На древней иконѣ пр. Корнилія, находящейся въ монастырѣ и писанной до 1743 года въ 44 изображеніяхъ представлены чудесныя исцѣленія пр. Корнилія, большею частію такія, которыя не записаны въ житіи.

поставилъ предъ нею мѣстную свѣчу, ¹⁾ которую игумень приказалъ зажигать на всѣ воскресные и праздничные дни, что и продолжалось во все послѣдующее время, пока не случился въ монастырѣ недостатокъ воску. Прошло много времени, какъ свѣчу совершенно перестали зажигать и совѣтъ о ней забыли, но вотъ однажды (8 Сентября) въ воскресный день въ первомъ часу дня казначей Іовъ, проходя мимо гроба преподобнаго, увидѣлъ, что свѣча зажжена, и донесъ о томъ игумену. Но когда казначей, келарь и нѣкоторые изъ братіи пришли ко гробу преподобнаго и стали молиться со слезами, то по окончаніи ихъ молитвы во второмъ часу дня, свѣча, доселѣ ясно горѣвшая, вдругъ угасла сама собою. Это случилось въ 18 годъ по преставленіи преподобнаго. Въ томъ же году въ 9 пятницу по Пасхѣ во время вечерни (5 Іюня) таже свѣча зажглась въ другой разъ сама собою и съ того времени снова стали зажигать свѣчу на всѣ праздники.

Пришелъ въ Комельскій монастырь инокъ Корнилій изъ Владиміра, онъ два года страдалъ зубною болѣзнію и былъ принятъ въ число братіи. По прибытіи его въ монастырь болѣзнь усилилась до того, что въ теченіи многихъ дней онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни спать,—лице и вся голова затекли у него такъ, что страшно было и взглянуть на него. Къ кому ни обращался онъ за совѣтами, чѣмъ ни лечился—пользы не было. Тогда больной, услышавъ, что многіе получали исцѣленіе при гробѣ пр. Корнилія, одинъ разъ поздно вечеромъ послѣ мѣстоименовъ тайно пришелъ къ его гробу и припадши къ нему долго и усердно молился, призывая на помощь преподобнаго. Послѣ молитвы возвратившись въ свою келью, онъ сѣлъ на лавку, думая о томъ, чѣмъ бы ему облегчить свою нестерпимую боль. Вдругъ келья его освѣтилась необыкновеннымъ свѣтомъ, ему явился

1.) Т. е. лампаду, вмѣсто масла наливаемую воскомъ, какія донынѣ имѣются въ Ростовѣ и въ Гевсиманіи, близъ Троицкой лавры.

пр. Корнилій съ жезломъ въ рукахъ и сказалъ: «ложись на твою постелю, помилуетъ тебя Богъ.» Больной сталъ отрицаться, говоря, что болѣзнь не позволяетъ ему лечь, но преподобный во второй разъ сказалъ ему: «ложись и отдохни немного, помилуетъ тебя Богъ.» «Отче! возразилъ больной, «видишь лице и голову мою какъ отеки, какъ же мнѣ лечь на постели?» Тогда пр. Корнилій въ третій разъ сказалъ ему: «помилуетъ тебя Богъ, ложись» и указалъ перстомъ своимъ мѣсто, куда лечь. Инокъ, чувствуя нестерпимую боль, едва согласился послушаться старца и съ великимъ трудомъ приклонилъ голову свою къ постели и тотчасъ же крѣпко уснулъ. Заблаговѣстили къ утрени и жившій съ нимъ другой иннокъ пришелъ будить его; «всю ночь не далъ ты мнѣ спать, а нынѣ, когда надобно идти къ утрени—спишь»—сказалъ онъ ему съ упрекомъ. Корнилій пробудившись не чувствовалъ уже никакой боли и ощулавъ лице и голову нашелъ, что и опухольи не стало.

Нѣкто Мокій, жившій неподалеку отъ монастыря, сдѣлался нездоровъ: у него отнялась нога и онъ не только долгое время не могъ встать съ постели, но и уснуть ночью. Когда однажды ночью онъ обратился съ молитвою къ пр. Корнилию и положилъ обѣщаніе идти въ монастырь и поклониться его гробу, то въ ту же ночь почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и на другой день придя въ монастырь, исполнилъ свой обѣтъ.

Монастырскій крестьянинъ Проконій Шестакъ былъ мучимъ печистымъ духомъ, хлѣба не ѣлъ. Богу не молился, ни съ кѣмъ ничего не говорилъ, страшно терзалъ себя и нападалъ даже на другихъ людей, такъ что сосѣди вынуждены были вязать его. Когда его привели въ монастырь и самъ игуменъ съ діакonomъ пѣлъ о немъ молебень при гробѣ пр. Корнилія—сродники заставляли его молиться Богу и принуждали къ этому побоями, но онъ не слушалъ ихъ и только грызъ пальцы сво-

ихъ рукъ. Изъ церкви его отвели въ келью, гдѣ ночью явился ему пр. Корнилій съ крестомъ въ рукахъ и осѣнивъ его имъ сказалъ: «Прокопій! молись Господу Богу и не буди тебѣ зла отъ непріязненнаго духа и я не велю бить тебя.» Прокопій тотчасъ же пришелъ въ себя, отъ радости вскочилъ и разбудивъ бывшихъ съ нимъ, рассказалъ имъ о явленіи ему преподобнаго. На другой день игуменъ зашелъ въ келью посѣтить его, потому что отъ бѣсовскаго томленія, неяденія и побоевъ онъ былъ очень худъ и едва могъ сидѣть, но Прокопій вскочивши началъ просить игумена: «Отче, прошу тебя, не вели бить меня, ибо я уже молюсь Богу, да и Корнилій не велѣлъ бить меня,» и подробно рассказалъ о бывшемъ явленіи ему преподобнаго.

Монастырскіе работники, жившіе внѣ ограды въ кельяхъ, ночью на 1 Августа 7159 (1651) года, были разбужены крикомъ: «Корнилій, Корнилій!» Вставши они увидѣли совершенно нагаго человѣка, лишившагося разсудка, который ходилъ около монастыря и билъ руками въ монастырскія ворота, крича: Корнилій, Корнилій. На всѣ ихъ разспросы онъ отвѣчалъ только то, что Корнилій привелъ его къ монастырю, самъ прошелъ въ ворота, а его не пустилъ, потому онъ и стучится. По утру, когда съ благовѣстомъ къ утрени отворены были малыя монастырскія ворота и сторожа хотѣли ими провести безумнаго въ монастырь, онъ не пошелъ, а вырвавшись отъ нихъ и толкая въ святыя ворота, кричалъ: «сюда, въ эти ворота прошелъ Корнилій.» По приказанію игумена его привели въ церковь, гдѣ онъ увидѣвши раку и на пей образъ преподобнаго, говорилъ со смѣхомъ: «вотъ этотъ Корнилій привелъ меня къ воротамъ, когда же ему показали на иконостасѣ изображенія другихъ угодниковъ и спросили: не этотъ ли, или не тотъ ли привелъ тебя сюда, то безумный въ отвѣтъ обращался къ рацѣ преподобнаго и указывая на нее кланялся ей. Тогда игуменъ со священниками началъ пѣть молебенъ преподобному и когда по окон-

чаніи молебна подвели безумнаго къ ракъ и заставили поцѣловать образъ преподобнаго, то онъ тотчасъ же пришелъ въ разсудокъ и со слезами разсказалъ о себѣ, что онъ Сергѣй—крестьянинъ деревни Кибанъ обнорской волости, отъ чего лишился разсудка—не знаетъ, не помнитъ когда и кто снялъ съ него одежду и гдѣ онъ ходилъ по лѣсамъ, полямъ и деревнямъ. Въ этомъ жалкомъ положеніи ему явился свѣтлообразный старецъ, назвавшій себя Корнилемъ, онъ взялъ его «за руку и сказалъ: «иди за мной въ домъ пречистыя Богородицы, въ нашъ монастырь, будетъ тебѣ милость Божія, «да и я помогу тебѣ» и когда довелъ его до святыхъ воротъ монастыря, то вдругъ сталъ невидимъ, потому онъ и стучалъ въ ворота и просился въ монастырь. Сергѣй хорошо запомнилъ видъ старца и говорилъ, что онъ былъ сѣдъ, свѣтелъ лицомъ, взглядъ имѣлъ кроткій и умиленный, въ рукахъ у него былъ посохъ, или клюка искусной работы и что какимъ онъ изображенъ на иконѣ, такимъ точно явился и ему. Сергѣй пробылъ послѣ исцѣленія три дня въ монастырѣ, радуясь и благодаря Бога за свое чудесное исцѣленіе.

Въ 1600 году 21 Февраля патріархъ Іовъ соборѣ установилъ память пр. Корнилія праздновать повсемѣстно.

Мощи пр. Корнилія нынѣ почиваютъ у сѣверной стороны церкви, посвященной его имени, подъ балдахиномъ и ракою, обложенною мѣдными посеребренными досками; на ракъ находится образъ преподобнаго во весь ростъ, украшенный серебряною ризою. По наружному виду пр. Корнилій сѣдъ, кудреватъ, брада низкая. Изъ вещей ему принадлежащихъ, доселѣ сохранились слѣдующія: священническая его грамота, ¹⁾ часть власяницы и бѣлая шелковая съ краснымъ

1.) Божією милостію, се язь Симонъ митрополить всея Руси поставилъ есмь діака пнока Корнилія Федорова сына Крюкова въ чтецы и въ подъяконы и въ діаконы и свершилъ есмь его въ попы въ свою митрополію къ церкви пречистыя Богородицы Введенію въ пустыньку, на Комельскій лѣсъ, на рѣку на Нурму, въ Костромскую десятину и да

камчатнымъ оплечьемъ фелонь, весьма ветхая и ушитая заплатами.

Корниліевъ монастырь съ самаго своего основанія до 1693 года управлялся игуменами, а въ семь году, по прошенію вологодскихъ гражданъ, для большей чести и прославленія преподобнаго, патріархъ Андріанъ установилъ въ немъ архимандрію съ среброкованною шапкою. Крестьянъ считалось за нимъ 3088 душъ. По штатамъ 1764 года монастырь поставленъ въ III классъ съ игуменскимъ настоятельствомъ.

Свое письменное наставленіе братіи пр. Корнилій озаглавилъ такъ: уставъ или правило о жительствѣ, отъ святыхъ Божественныхъ писаній избранно, о устроеніи преданныхъ нами образъ отъ святыхъ отецъ во спасеніе душамъ и писаніемъ вdana сущимъ о Христѣ братіямъ мнѣ, во обители пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Введенія, въ ней же жительствуемъ—и раздѣлилъ на XV главъ. Въ немъ послѣ трогательнаго предисловія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходнаго съ предисловіемъ къ уставу пр. Нила Сорскаго, въ I главѣ говорится о церковномъ благочиніи во II, о благочиніи трапезы, въ III, о пищѣ и питіи, въ IV, о томъ, чтобы не

литургисаетъ во святей Божіей церкви. И аще кто къ нему приходитъ отъ дѣтей духовныхъ и да разсуждаетъ ихъ по правиламъ св. Апостолъ и святыхъ отецъ имѣя вволю визати и рѣшати по благословенію нашего смиренія. И да не переходитъ отъ церкви къ церкви безъ нашего благословенія или не являсь нашему намѣстнику или десятинику. Аще ли прейдетъ не являсь и да нелитургисаетъ по сей нашей грамотѣ. И сего ради дана бысть ему грамота сія на утвержденіе его на Москвѣ лѣта семь тысячъ девятаго мѣсяца Февраля въ первый день. А по Господинову по Митрополичу слову подписалъ діакъ Яковъ Кожуховъ. На оборотѣ преемникомъ Симона собственноручно подписано: Варламъ.—Грамота писана на столбцовой бумагѣ длиною около 4 вершковъ и къ ней привѣшена на черномъ шелковомъ шнурѣ черная восковая печать съ изображеніемъ Богоматери на одной сторонѣ и съ подписью на другой: Божією милостію смиренный Симонъ митрополитъ всея Руси.

ѣсть и не пить нигдѣ, какъ только въ трапезѣ, въ V, о одеждѣ. Каждый братъ пусть имѣеть двѣ одежды, одну ветхую съ заплатами, другую крѣпкую, прочее — дѣло тщеславія и соблазнъ для братіи; въ VI, о томъ, что не слѣдуетъ ничего просить себѣ у стороннихъ; въ VII, о томъ, что не слѣдуетъ имѣть никакой собственности. «Инокъ, имѣющій въ общежитіи что либо свое, малое или великое, чуждъ любви Божіей;» въ VIII, о томъ, что не слѣдуетъ братъ ничего безъ благословенія настоятеля; въ IX, о томъ, что недолжно ходить безвременно въ трапезу; въ X, о томъ, что на общей работѣ слѣдуетъ быть съ молчаніемъ и молитвою; въ XI, безъ особенной нужды не посѣщать ни родныхъ, ни чужихъ; въ XII, не принимать подаяній для себя. «Если бы кто изъ великихъ людей или кто бы ни былъ, захотѣлъ раздавать милостыню по рукамъ: пусть лучше не будетъ такой милостыни, нежели принимать ее на раззореніе общежитія.» Въ XIII, — не терпѣть въ обители хмѣльныхъ напитковъ; въ XIV о томъ, какъ принимать приходящихъ въ монастырь съ имѣніемъ и въ XV, о томъ, какъ поступать съ вышедшими изъ монастыря, когда они снова придутъ въ него. — Все это написалъ я недостойный и грѣшный инокъ Корнилій моею рукою и предалъ братіи моей, говорится въ заключеніи. Желая, чтобы какъ при жизни моей, такъ и по смерти, соблюдаемо было сіе преданіе и часто прочитываемо для напоминанія къ пользѣ душевной, да будутъ слова сіи въ осужденіе въ день суда. И о мѣ грѣшнемъ, господіе мои, молитѣ Бога, яко да вашими молитвами получу отъ Христа Бога милость въ день славнаго Его пришествія.

Чтобы болѣе и ближе познакомиться съ духомъ и характеромъ пр. Корнилія, мы приводимъ здѣсь вполнѣ предисловіе его къ уставу. Кромѣ того, что оно исполнено смиренномудрія, дышетъ простотою первыхъ временъ христіанства и живо представляетъ читателямъ самого писателя,

уставъ Корнилія есть единственный памятникъ, дошедшій до насъ отъ трудовъ Вологодскихъ чудотворцевъ.

Благословеніемъ Господа и Спаса нашего Ісуса Христа и споспѣшеніемъ Его пречистыя Матери, написалъ я для себя душеполезное сіе писаніе и для присныхъ моихъ братій о Господѣ, которые мнѣ единоправны. Я васъ называю братією, а не учениками, ибо одинъ у насъ есть учитель Господь Ісусъ Христосъ, Сынъ Божій, давшій намъ божественное писаніе и по Немъ святые Апостолы и преподобные отцы, научавшіе и доселѣ поучающіе человѣческій родъ. Всѣ они сами прежде дѣлали благое и потомъ уже иныхъ поучали, а такъ какъ я не былъ доселѣ дѣлателемъ ни единого блага, то, по крайней мѣрѣ, изложу божественное писаніе для тѣхъ, которые хотятъ спастись.

Писаніе говоритъ, что мы здѣсь пришельцы и пресельники (Евр. XI, 13), послѣ же смерти ожидаетъ насъ вѣчная жизнь, или въ радости, или въ мукѣ обрѣтаться будемъ судя по тому, какъ воздастъ Господь каждому по его дѣламъ. Посему подобаетъ папшаче заботиться о той жизни, что послѣ нашей смерти и я доколѣ еще живъ, предаю писаніе сіе братіи моей о Господѣ для моего и ихъ спасенія, возбуждая совѣсть ихъ къ лучшему, дабы сохранили себя отъ нерадѣнія и дурной жизни и отъ людей мудрствующихъ одно плотское, которые по лѣности впали въ сѣти общаго нашего врага.

Много мірскихъ людей приходитъ къ намъ, желая постриженія; я же, хотя и грѣшенъ и неразуменъ и немощенъ душою, однако приѣмлю и постригаю приходящихъ ко мнѣ. Стекаются также и нѣкоторые братія изъ другихъ монастырей, желая съ нами жить, я принимаю и ихъ, хотя вовсе не желаю начальствовать, лишь бы всѣмъ намъ, малымъ и великимъ, сохранить заповѣди Божіи и преданія св. отецъ и жить въ совершенномъ согласіи, не извиняясь тѣмъ, что будто бы невозможно нынѣ слѣдовать по стопамъ

святыхъ отецъ. Если мы и немощны, довольно уже и того, что хотимъ послѣдовать, хотя и не можемъ съ ними сравниться. Не желающіе соблюдать сего устава, пусть перестанутъ докучать моему окаяиству, ибо не я прихожу къ нимъ, чтобы у нихъ начальствовать. Если и у насъ живущіе не стараются все сіе соблюсти и не слушаютъ нашихъ словъ, не дамъ я за нихъ отвѣта Богу и невиненъ буду въ ихъ самочиніи; если же хотятъ они жить по сему уставу, тѣмъ охотиѣе приѣмлю ихъ, возвѣщая имъ слово Божіе, хотя и самъ не исполняю его. Но быть можетъ, ради ихъ послушанія и молитвъ, сподоблюся и я спасенія.

Много насъ глаголющихъ и мало творящихъ, говоритъ св. Максимъ: слово Божіе никто не долженъ таить своимъ нерадѣніемъ, но исповѣдать свою немощь и не скрывать Божіей истины, да не будемъ повинны въ преступленіи заповѣдей. Трепещу пророческаго писанія, возвѣщающаго, что настоятель будетъ истязанъ за всѣхъ подъ нимъ сущихъ. Если можетъ отсѣчь ихъ отъ зла и не отсѣкаетъ, то Богъ взыщетъ отъ руки его кровь ихъ, и самъ онъ вмѣстѣ съ ними погибнетъ за нерадѣніе; если же обличить ихъ, но невозможно удалить отъ зла, по крайней мѣрѣ избавить тѣмъ собственную душу, они же умрутъ въ грѣхѣ своемъ. По сему умоляю васъ отцы и братія, и чада мои возлюбленные, ради любви Христовой и спасенія моего же и вашего, попечемся о душахъ нашихъ, поскорбимъ о мимошедшемъ времени житія нашего и подвигнемся для будущихъ благъ, дабы, проводя въ нерадѣніи здѣшнее житіе, не быть намъ осужденными въ страшное пришествіе Господне. Какимъ образомъ узримъ мы своими очами, въ день Господень великій, страшное лице Христа, сіяющее наче солнца, когда будетъ опредѣлять праведнымъ неизреченное благо, грѣшнымъ же томленіе и муки?

Что можетъ быть тяжелѣе и горче той скорби и печали и для насъ постыднѣе того, какъ говоритъ св. Ефремъ, когда

увидишь, что мірскіе люди жившіе съ женами и дѣтьми и заботившіеся о мірскомъ, удостоены царствія небеснаго, а мы, которые все оставили, отца и мать, жену и дѣтей и присныхъ и весь міръ и все, что въ немъ есть сладкаго, мы, постоянно пребывающіе въ скорбяхъ и бѣдахъ, борясь съ тѣлесными страстями нашими, какъ бы со львомъ и змѣемъ, мы осуждены будемъ съ мытарями и грѣшниками, ради малаго небреженія и преслушанія? Какимъ образомъ, оставивъ большее, неразумно прельщаемся ничтожнымъ и ради того отпадаемъ отъ любви Христа Бога и въ страшный часъ смерти люто истязаны будемъ! Если, по словамъ Василия великаго, сами духовные отцы наши великіе свѣтильники и св. мученики не безъ истязанія проходили мытарства воздушныя въ часъ разлученія души отъ тѣла, то мы окающиеся какъ избѣжимъ ихъ? И какое помилваніе получимъ еже часно прогнѣвляя Господа, живя беззаботно во всякомъ довольствѣ, имѣя готовыми пищу и одежду и все, что потребно для тѣла, если о единой душѣ нашей не хотимъ позаботиться? Мы не только не имѣемъ въ памяти нашей того, что совершенно отреклись отъ міра и общались Христу терпѣть всякую скорбь и тѣсноту иноческаго житія, въ постоянномъ послушаніи и нищетѣ; но даже и о маломъ своемъ правилѣ не хотимъ имѣть заботы,—о томъ, какъ подобаетъ намъ быть въ церкви и въ кельѣ и такимъ образомъ безъ всякой заботы о нашемъ спасеніи живемъ въ обители просто, какъ міряне.

Намъ кажется уже весьма важнымъ то, что мы отреклись отъ міра словомъ, хотя на дѣлѣ нисколько и нехотимъ подумать о томъ, что вскорѣ должны умереть, какъ отцы наши и братія предстать нелицемѣрному судилищу Христову, чтобы воздать Ему отвѣтъ за всѣ наши дѣла, слова и помышленія. По истинѣ страшенъ и немилостивъ судъ сей не радивымъ. Аще бо праведникъ едва спасется, печестивый же и грѣшникъ гдѣ явится? (І Петр. IV, 18). Потому, хотя

отнынѣ попечемся о заповѣдяхъ Господнихъ, о отеческихъ преданіяхъ, написанныхъ намъ въ уставѣ на основаніи священнаго Писанія и по завѣщанію великаго Василія, который говоритъ, что прежде всего подобаетъ инокамъ, находящимся въ общежитіи, не имѣть ни въ чемъ своей воли, но во всемъ повиноваться настоятелю и держаться послушанія со смирніемъ и трудиться тѣлесно сколько есть силъ и быть готовымъ на всякое послушаніе, особенно же молодымъ, чтобы все исполнять въ обители со тщаніемъ и благообразно по установленному порядку.

